

МАНЬЧЖУРСКИЙ ГАМБИТ



ТОМ 3

ПАВЕЛ БАРЧУК КАТЭР ВЭЙ

Маньчжурский гамбит

Катэр Вэй

**Маньчжурский
гамбит. Книга третья**

«автор »

2026

Вэй К.

Маньчжурский гамбит. Книга третья / К. Вэй — «автор»,
2026 — (Маньчжурский гамбит)

Умереть 58-летним олигархом в своем времени – обидно. Очнуться 20-летним белогвардейцем в промерзшем вагоне, который едет в Харбин – неожиданно. В кармане ни гроша, тело едва шевелится после тифа, а за дверью теплушки – китайские патрули, мародеры и жестокий 1920 год. Мой главный актив – преданный казак-пластун с «маузером», пацан – наследник богатого рода, и сотня голодных эмигрантов. Моя стратегия – наглость и опыт из прошлого. Я не собираюсь спасти рухнувшую Империю. Я построю свою.

© Вэй К., 2026

© автор , 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Катэр Вэй, Павел Барчук

Маньчжурский гамбит. Книга третья

Глава 1

Я усмехнулся. Этот малолетний барыга мне определённо нравится. Хватка железная. Никакой благотворительности, только чистый бизнес. Думаю, жизнь на улице научила его быть взрослым раньше, чем положено. Не известно, как давно Пашка прибился к мадам Розе и ее заведению.

Внезапно, на самом интересном месте, когда пацан приготовился рассказать нам что-то важное, дверь конторы с грохотом распахнулась. Створка с размаху ударилась о кирпичную стену так, что с крыши посыпался снег. На крыльцо вылетел Тимофей.

Выглядел казак весьма колоритно. Шинель сидит криво, потому как застегнута только на верхнюю пуговицу и то неправильно. Один сапог на ноге, второй – зажат в левой руке. Правая рука занята «Маузером». Волосы всколочены, глаза безумные, шарят по двору в поисках врага. Судя по физиономии, вахмистр только что проснулся.

Заметив всю нашу компанию, Тимофей сбегал по ступенькам, подскочил ближе.

– Павел Саньч! Ваше сиятельство! – гаркнул он охрипшим со сна голосом. – Где эти ироды?! Кого стрелять?!

Я окинул вахмистра выразительным взглядом. Снизу вверх.

– Очень вовремя, Тимоха, – произнес с легкой иронией. – Просто образец скорости и ответственности. Враги уже успели бы выпить чаю, собрать наши пожитки и уехать на извозчике.

Казак смутился. Опустил «маузер». Щеки под густой бородой предательски пошли красными пятнами.

– Виноват, ваше сиятельство... – глухо пробормотал он, торопливо возвращая второй сапог на законное место. – Лег вздремнуть с устатку, и провалился. Ей-богу, как в яму рухнул. Впервые за всю жизнь так крепко уснул. Видать, сморило после вчерашнего. Спросонья не разобрал, что за шум во дворе. Услыхал крики, выстрел почудился... Кинулся на улицу в чем был. Думал, хунхузы пожаловали.

– Это Осеев стрелял. А криков нам вон, детишки обеспечили с избытком, – я кивнул на взъерошенных пацанов. – Ладно. Не кори себя. Организм не железный, отдых всем нужен. Раз уж проснулся, включайся в работу.

Я повернулся к Никите. Наследник Строгановых всё ещё прижимал к носу окровавленный платок, но смотрел уже спокойнее. Злость уступила место любопытству.

– Все, иди в барак. Умойся, приведи себя в порядок. Бабке Арине скажи, чтоб пальто зашила. И молодец. Хвалю.

Пацан коротко кивнул. Бросил последний, уже без особой вражды, взгляд на Пашку и отправился в сторону жилых барачков.

– А мы с вами, господа, пойдем побеседуем, – я посмотрел на Селиванова, на Осеева, Тимофея, затем на беспризорника. – Только не в кабинет. У меня там Соломон Маркович с новым мастером заседают. Лишние уши нам ни к чему. Идем в котельную. К локомотиву.

Петр молча кивнул. Подтолкнул Пашку в спину.

Мы двинулись к приземистой кирпичной пристройке. Тимофей, окончательно проснувшись, топал замыкающим. Бдил.

В котельной было жарко. Немецкий «Ланц» тихо урчал, пожирая топливо. Шум машины создавал идеальный звуковой фон. Здесь нас точно никто не подслушает.

Я уселся на перевернутый деревянный ящик. Селиванов и Алексей заняли место у теплой кирпичной стены. Тимофей встал у дверей, скрестив руки на груди.

Пашка остался стоять в центре. Маленький, побитый, но абсолютно уверенный и наглый. Настоящий волчонок харбинских подворотен.

Я залез в карман шубы. Проверил, не завалилось ли серебро. Оказалось, что завалилось даже несколько штук. Достал тяжелую монету. Даян. Повертел в пальцах и бросил пацану.

Пашка поймал ее на лету. Привычным движением сунул в рот, прикусил. Удовлетворенно кивнул и мгновенно спрятал в недрах своего безразмерного ватника.

– Аванс, – спокойно сказал я. – Давай новости, тезка. Кто там ошивается у наших ворот? И что за срочность?

Беспризорник шмыгнул носом.

– Шпик там ошивается, князь. Я таких нутром чую. Одет чисто, пальто добротное, шляпа надвинута прямо на рожу. Стоит вроде как газету читает или извозчика ждет. Ага... Здесь извозчиков-то как собак нерезанных, – Пашка усмехнулся и посмотрел на меня, предлагая оценить шутку, но сразу посерьезнел, – Только он уже битый час там мерзнет. Я за ним со стороны наблюдал долго. На территорию не смотрит, а сам каждый скрип сечет.

– Японец? – хмуро спросил Селиванов.

– Не-а, – Пашка мотнул головой. – Наш. Русский. Морда дюже простовата. Из бывших легавых или жандармов. Они все одинаково стоят. Будто аршин проглотили.

Я задумался. Значит, не Токуму Кикан. Самураи работают тоньше. Китайская полиция тоже вряд ли стала бы ставить русского топтуна. Получается, кто-то из своих. Местных. Белогвардейская шушера или чья-то частная разведка.

– Понятно. Взят на карандаш, – я посмотрел на пацана. – Дальше.

Пашка переступил с ноги на ногу.

– Очкастый господин... Помните, за которого в заведении мадам Розы интересовались прошлый раз?

Услышав знакомое имя, Селиванов моментально вскинулся, даже немного подался вперед. Тимофей у двери тоже недовольно засопел.

– Приходько, – процедил приказчик.

– Ага, он, – хмыкнул Пашка.

– Гуляет сейчас у мадам Розы. Важный такой, как петух. Деньжата у него откуда-то завелись. Снял девку, водку заказал. Ну а я в коридоре терся, уши грел.

– И что? – поторопил я пацана.

– А то, князь. Этот хлыщ смекнул, что Гореловские налеты жидко сходили. Получили по зубам от ваших людей и дали деру. А злоба-то у него осталась. Сам он лезть боится. Вот и решил зайти с козырей. Нажрался и растрепал девке, что накатыл на вас донос китайским легавым. Вроде как нонче утром отнес. Я же как все это услышал, сразу вспомнил, что он вам дюже нужен. Только вы ж того... Мадам Роза не знает, что я к тебе побежал. Не выдай.

– Что в доносе? – спросил я, обдумывая полученную информацию, – Может, ты часом и это ухитрился расслышать?

– А как же, – Пашка гордо выпятил грудь. – Там только глухой не расслышал бы. Фраер этот надрался как свинья, орал на все заведение. И одно по одному про тебя, князь. Что ты – контрабандист лютый. Что провез через границу целый вагон оружия. И главное... Будто у тебя спрятано украденное императорское золото. Много золота.

Ну конечно. Кто бы сомневался. Я усмехнулся себе под нос. Пресловутое золото Российской империи. О нем сейчас слухов много ходит. Хорошо, что хоть только его приписали. Могли бы и золото Колчака на меня повесить. Идиоты, прости господи...

Селиванов грязно выругался.

– Вот же сволочь... Откуда он про золото взял? Сам же выдумал, собака, когда бабку Арину трясти порывался!

– Выдумал или нет, китайцам плевать, – я поднялся с ящика. Прошелся по тесному помещению. – Для местной полиции слова «оружие» и «золото» звучат как команда «ату!». Они не будут разбираться. Просто явятся сюда с обыском.

Вообще, конечно, расклад поганый. Если китайская полиция сунется на лесопилку прямо сейчас, возникнет ряд проблем.

Ящики с маузерами и гранатами от Игнатова лежат в конторе. Но это полбеды. Хуже всего, что в моем сейфе – секретный архив Токуму Кикан, а под досками в цеху – золото самураев. Одно радует – медь у нас теперь, благодаря Соломону, имеет вполне официальные бумажки.

Очкарик оказался не просто гнидой. Это самая настоящая мстительная, расчетливая тварь. Ты погляди, как закусился. Не может простить, что Селиванов его из общины выгнал.

Я полез в карман. Достал еще один серебряный даян. Протянул Пашке.

– Держи, тезка. Заслужил. А теперь дуй в пакгауз, на кухню. Скажешь – я велел. Пусть тебе дадут горячего мяса и каши. Наешься от пуза. Только потом вернешься к мадам Розе и будешь следить за комнатой Приходько. Если что интересное услышишь – дуй ко мне.

Глаза беспризорника довольно сверкнули. Он сгреб монету и пулей вылетел из котельной. Только дверь хлопнула. Настоящая, сытная еда для него сейчас не менее важна, чем деньги.

Мы остались вчетвером. Я, Тимофей, Петр и Осеев.

– Ну что, господа, – мой взгляд скользнул по лицам соратников. – Давайте прикинем время. Сколько у нас его осталось до появления китайской полиции. А я вас уверяю, она непременно появится.

– Почему вы так уверены, ваше сиятельство? – спросил Алексей, – Лесопилка вроде как является вашей собственностью. Да и мало ли кто на кого какие доносы пишет.

– Потому что сработает магия слов «золото» и «оружие», – ответил я. – Подумайте сами, господа. Для китайской администрации, которой, как вы знаете, управляет маршал Чжан Цзолин, Харбин сейчас лакомый кусок. Любой донос о спрятанных слитках – это повод для ревизии. Полиция придет не устанавливать истину, а изымать ценности в пользу казны. Или кармана генерала, что более вероятно. Плюс в доносе фигурирует оружие. Китай – лоскутное одеяло из воюющих милитаристов. Любой неучтенный «маузер» воспринимается как подготовка мятежа. Это дает право на максимально жесткий, силовой обыск. Так что, Приходько хорошо знал, что именно писать в своей бумажке.

– Тут вы правы. Пожалуй, соглашусь, ваше сиятельство, – нахмурился Осеев, потирая подбородок. – Если эта сволочь отнес бумагу в полицию утром... То она уже в работе.

– Верно, Алексей. Но мы, напоминая, находимся в Харбине, – я задумчиво уставился в одну точку, анализируя ситуацию, – Бюрократия здесь неповоротливая. Даже если речь о золоте. Начальнику сыска нужно время. Собрать надежных людей, чтобы никому не разболтали. Инструктаж провести. К тому же, полиция работает в тесной связке с военными. Им необходимо согласовать свои действия, чтоб оцепить лесопилку, а потом уже наводить шороху на ее территории. Днем они не сунутся. А вот к ночи можно ждать. Им ведь не известно, что мы в курсе происходящего и сможем подготовиться. Вряд ли будут торопиться.

– Значит, явятся как стемнеет, – мрачно согласился Селиванов.

– Тимофей, – я посмотрел на вахмистра, – Есть задание. Давай-ка ты аккуратно, без лишнего шума, пригласишь к нам в гости того господина в пальто и шляпе, которого упомянул Пашка.

– С превеликим удовольствием, Павел Саньч, – моментально вскинулся Тимоха, – Сделаю в лучшем виде.

– Погодите, ваше сиятельство, – вмешался Селиванов. – А ежели это легавый? Полицейский соглядатай?

– Исключено, – Я отрицательно покачал головой. – Петр, подумай сам. Китайская полиция не рискнула бы отправить для наружного наблюдения русского. А вдруг пойдет да предупредит нас? Они бы послали человека, переодетого под местного кули с метлой или рикшу. Этот топтун – чужой. Он работает на кого-то третьего. Японцы и китайцы исключаются. Вот я и хочу узнать, на кого. К тому же, господа, вы упустили, видимо, один немаловажный факт. Мальчишка сказал, у Приходько появились деньжата. Откуда? Не потому ли, что идею с доносом ему, мягко говоря, посоветовали. Или, что более вероятно, заплатили за ее реализацию. Хочу понимать точно, какие игроки участвуют в этой партии.

– Мне его куда приглашать? – С усмешкой спросил Тимоха, сделав акцент на слове «приглашать». Сразу стало понятно что топтун попадет на территорию лесопилки не по своему желанию. – В контору тащить или скромненько препроводить сюда, к локомотиву?

– Скромненько, Тимофей. Очень скромненько, – ответил я вахмистру..

Тащить соглядатая в контору – верх идиотизма. Там Соломон и немой китаец. Не выгонять же ростовщика пинками. Тем более, сейчас мне очень пригодится его осведомленность в делах города.

Сопроводить сюда, в котельную? Тоже не вариант. Слишком шумно из-за локомотива, допрашивать будет неудобно, да и рабочие могут заглянуть. Беды в этом особой нет, но чем меньше осведомленных, тем лучше.

– Проводи его в пустой сарай, тот, что ближе к дальнему забору, – распорядился я. – Дверь там крепкая, окон нет. И подальше от лишних глаз.

– Оглушить стервеца да спеленать? – деловито уточнил вахмистр.

– Нет, Тимоха. Никакого рукоприкладства без крайней нужды. Просто пригласи. Вежливо, но предельно настойчиво. Так, чтобы он при всем желании не смог отказаться от нашего гостеприимства. Понял? И бога ради, не бей его. Мне этот человек нужен в ясном уме и с работающим речевым аппаратом. Пусть посидит в сарае, подумает о жизни, пока я не освобожусь.

Тимоха коротко кивнул. Его глаза задорно блеснули. Всё-таки казак не рожден для спокойной жизни. Ему любой замес в радость.

– Осеев, Петр, – я повернулся к остальным. – Вы пока контролируете все, что происходит в пределах лесопилки и вне ее. Глаз не спускать. Как только Тимофей приведет топтуна, ворота запереть наглухо. Оружие держать под рукой, но не светить без нужды. Если вдруг полиция нагрянет раньше времени – внутрь не пускать. Тяните время. Требуйте переводчика, жалуйтесь на непонимание. Что угодно.

Селиванов и Алексей нахмурились, подобрались. Оба не были дураками и прекрасно понимали – ситуация серьезная.

Я вышел из котельной во двор. Ветер швырнул в лицо колючую снежную пыль. С неба опять сыпалась какая-то ледяная хрень. Это даже снегом назвать язык не повернется.

Быстрым шагом направился к конторе. Поднялся на крыльцо, вошел в натопленный коридор. Попутно размышлял о Соломоне Марковиче.

Стоит ли посвящать еврея в детали грядущих проблем? Старый ростовщик слишком хитрожопый, это факт. Услышит про полицию, которая придет искать золото, и сольется. А то еще и меня сольет. Тем более, золотишко и правда имеется. Да, не Российской Империи, но все же.

С другой стороны, Рахиль Блаун – мой официальный, документально заверенный партнер. Неужели старый лис забьет на дочь? Если меня арестуют, ниточка мгновенно потянется к ней. А соответственно и к нему. Соломон это понимает лучше моего. К тому же, у старого лиса есть бесценные знания местного полицейского аппарата и чиновничьих схем. А это весьма полезное качество в сложившихся обстоятельствах.

В общем, к четкому решению я так и не пришел, подумал – буду действовать по обстоятельствам.

Поднялся на второй этаж, толкнул дверь своего кабинета.

Соломон Маркович вальяжно сидел в моем кресле. В углу, на табурете, примостился немой китаец Лю. Медник сидел с невозмутимым лицом, уставившись в одну точку. На мое появление он вообще никак не среагировал.

Увидев меня, Блаун раздраженно взмахнул руками и стал похож на недовольную еврейскую курицу-наседку.

– О, князь! Наконец-то. Как у вас, однако, весело.

Я подошел к столу, сел на краешек, посмотрел на ростовщика с абсолютно серьезным выражением лица.

– Детские забавы закончились, Соломон Маркович. Начинаются взрослые игры.

Лицо Блауна моментально вытянулось.

– Вы делаете мне тревожно, Павел Александрович. Что за тон? Вам пришла в голову какая-то очередная безумная мысль? Снова решили экспроприировать эшелон или несколько пудов меди? Вы мне это бросьте! Я слишком стар, чтоб каждый день решать вопросы с награбленным добром.

– Сегодня вечером к нам на лесопилку пожалует китайская полиция. С обыском.

Я решил не смягчать удар, а рубануть правду-матку сразу. Без экивоков.

Соломон молчал несколько секунд. Просто сидел и смотрел на меня немигающим взглядом. Но что любопытно, не истерил, не разыгрывал очередной спектакль «Страдающий еврей».

– Полиция? – ровно переспросил он, наконец. – Зачем нам тут полиция? И главное, чего им не сидится на месте? Дело в меди? К моим бумагам не придерется даже сам Господь Бог.

– Нет, не в меди. Один обиженный господин, которого мы выгнали из общины в первый же день, оказался слишком мстительным. Написал некий донос в полицию.

– И что же этот поц там написал? – сухо поинтересовался Соломон.

– Что князь Арсеньев – крупный контрабандист. Провез вагон неучтенного оружия. И главное... – я чуть ближе наклонился к ростовщику. – Что у меня тут спрятано золото Российской Империи

Соломон Маркович громко, искренне рассмеялся.

– Пощадите, князь! Это смешная шутка, но она делает мне нервы! Золото Российской империи?! За последний год я слышал пять версий, где именно оно находится и каждый раз эти версии сильно различались между собой. Какое вы можете иметь отношение к золоту Романовых?!

Я молча уставился на ростовщика тяжелым взглядом. Тот еще пару раз хохотнул, однако, оценив мой серьезный вид, резко помрачнел.

– Ой, вей... Это не шутка? Тогда позвольте вопрос, Павел Александрович, – произнес он, глядя мне прямо в глаза. – Исключительно ради спокойствия и понимания. Императорского золота у вас здесь действительно нет?

– Императорского – нет... – абсолютно искренне ответил я.

Соломон быстро моргнул несколько раз. Мозг старого лиса мгновенно уловил скрытый подтекст моей фразы.

– А чье есть? – тихо спросил Блаун.

– Вам, Соломон Маркович, лучше этого не знать. Исключительно ради вашего же крепкого сна, – я криво усмехнулся.

Ростовщик перевел взгляд на глухонемого Лю, который продолжал пялиться в одну точку, затем снова посмотрел на меня.

– Понимаю, – вздохнул Блаун. – Золото, значит. И оружие... Ну хорошо, князь. Давайте подумаем, что мы можем с этим сделать.

Глава 2

Я прошёлся по кабинету. Из одного угла в другой угол, потом обратно. Думал. Прикидывал в голове все возможные варианты. Те, которые первым делом предложил Соломон, меня не сильно устраивали. Например, быстро почистить склады и залечь на дно. Не для того я выстроил фундамент своего будущего в тысяча девятьсот двадцатом году, чтобы сейчас все похерить.

Ростовщик молча наблюдал за моими перемещениями. Ждал, пока в моей голове родиться подходящая идея.

В дальнем углу, сгорбившись на табурете, сидел Лю. Немому меднику было абсолютно плевать на сгустившееся в комнате напряжение. Он старательно слюнявил огрызок карандаша и выводил на обрывке бумаги контуры будущего перегонного куба.

Занять китайца делом посоветовал Соломон Маркович. А то вид этого маленького молчаливого человека, который просто сидит и пялится в одну точку, начал меня нервировать. Ростовщик каким-то удивительным образом, на пальцах, объяснил мастеру, над чем ему предстоит работать, и вручил бумагу с карандашом.

Я вопросительно-недовольные взгляды старого лиса пока игнорировал. Продолжал вышагивать по комнате, активно размышляя. В голову лезли разные мысли.

Действительно, а что мы сейчас можем сделать? Справить какие-то документы, которые успокоят полицию? Это даже не смешно. Представить не могу, что за бумажки обоснуют наличие неопознанного золота. Тем более, в таком количестве. Оружие и то проще оправдать. К тому же для этого нужно время. У нас его нет.

А потом меня осенило. Мы ведь в Харбине! В месте, где русское наследие очень плотно переплетается с азиатскими особенностями. Что для китайцев важно? По-настоящему? Что влияет на их поступки, на сценарии поведения?

Жесткая иерархия. И дикий, животный страх «потери лица» – мяньцзы. Так они это называют. Для местного чиновника или военного репутация и престиж стоят дороже денег. Потерять лицо – значит пережить публичное унижение. Показать свою некомпетентность или неуважение к старшему – проще пустить себе самому пулю в башку.

В их среде субординация – абсолютно всё. Мелкий полицейский чин, будь он хоть трижды начальник сыска, скорее застрелится, чем посмеет вмешаться в дела крупного сановника. Например, прервать отдых или деловую встречу.

Допустим такую ситуацию. Полиция с шумом вламывается на мою лесопилку с обыском и вдруг видит у меня в гостях Большого Босса. Для того, кто их отправил, это абсолютный позор. Конец карьеры. Потому что Большой Босс такого оскорбления тоже не простит. Он сотрет легавых вместе с их начальством в порошок просто ради того, чтобы сохранить свое собственное «лицо».

Соответственно, как только полицейские увидят «гостя», они не просто забьют на обыск, они будут бежать с лесопилки, сбивая друг друга. Лишь бы оказаться где-нибудь подальше.

Остается лишь один вопрос: где нам прямо сейчас взять Большого Босса?

Я резко остановился. Внимательно посмотрел на Блауна. Еврей с умным видом роденовского мыслителя сидел в кресле, закинув ногу на ногу и подпирая подбородок кулаком.

Полезные контакты. Вот он, тот самый рычаг, которым сейчас можно и нужно воспользоваться. Рядом со мной находится настоящий серый кардинал Харбина. У старого лиса в должниках или в плотно «прикормленных» чиновниках просто обязана быть пара-тройка людей из высшего эшелона китайской администрации КВЖД или военного гарнизона. Иначе он бы никогда не сколотил здесь свой капитал. Да и положение самого Блауна весьма непрозрачно намекает – нужные мне связи у него точно имеются.

Нам нужен аргумент в виде некоего должностного лица, которое одним своим присутствием заставит полицейских извиниться и забыть о доносе.

Заложив руки за спину, я сделал ещё несколько неторопливых шагов, докручивая в голове возникшую идею. Подошёл к окну и тихо произнёс, глядя сквозь обледенелое стекло на двор лесопилки.

– Чтобы закрыть это дело, нам нужен весомый аргумент в лице жадного до денег чиновника, значительно превышающего своим статусом, статус того, кто собирается отправить сюда полицейских с обыском.

Блаун тут же встрепенулся, задумчиво хмыкнул и сложив на груди руки, откинулся на спинку кресла. Его внимательный взгляд замер на моем лице.

– И что вы предлагаете, Павел Александрович? – голос ростовщика звучал сухо, деловито. – Идти в полицию? В сыскальной отдел? Там сейчас заправляет капитан Лян. Жадный, как стая саранчи. Любит серебро крепче родной матери. Если принести ему хорошую сумму отступных... Скажем, тысячу даянов. И если ваш доносчик действительно заберет бумагу... Да. Дело закроют.

– Идти к вашему Ляну с деньгами – ошибка, Соломон Маркович, – я покачал головой. – Очень грубая и чреватая последствиями. Даже странно, что вы сами этого не понимаете. Уж вам-то лучше чем мне известна специфика местных.

Я продолжал пялиться в окно, к ростовщику стоял боком, поэтому он не видел моего лица. Только профиль. И слава богу. Потому что меня вдруг приперло улыбаться. Думаю, для Соломона необоснованная радость выглядела бы странно. Того и гляди полиция нагрянет, а я стою и веселюсь неизвестно чему.

На само деле причина улыбки кроется в прошлом. То есть в будущем. Мне именно в этот момент вспомнился вдруг Костя. Переводчик, который сопровождал все сделки с азиатскими партнерами. Сообразительный парень постоянно талдычил мне про особенности китайцев, чем изрядно выводил из себя. Я, помнится, на него даже несколько раз наорал. Злила его манера умничать. А вот поди ж ты, как вышло в итоге. Костина наука уже который раз оказывается кстати в этой новой жизни.

– Видите ли, когда работал с китайскими партн... – я вовремя осекся, прикусив язык. Быстро поправился: – Когда мне доводилось наблюдать за местными дельцами, усвоил одно жесткое правило. У них совершенно своя логика. Данное слово они держат очень слабенко. Особенно, когда на горизонте маячит крупный куш.

Я обернулся. Посмотрел ростовщику прямо в глаза.

– Вы уж простите, Соломон Маркович, но на фоне китайцев даже ваши соотечественники отдыхают. Дадим мы взятку этому капитану. Он ее с радостью возьмет. Поклонится и пообещает всё уладить в лучшем виде. А потом сто процентов пришлет сюда своих полицейских. Да еще и сам будет ими руководить. Логика предельно проста – раз мы платим такие деньги, значит, нам точно есть что скрывать. Ну и плюс – китайцы совершенно не умеют держать слово. Вообще. Они даже не понимают, что это такое. Сегодня пообещал – завтра передумал. Обстоятельства так сложились. Так что азиатская хитрость, помноженная на жадность, выйдет нам боком. Нет. Нужен другой уровень.

– Выразайтесь яснее, князь, – Соломон Маркович нахмурился, оглянулся на медника, который продолжал что-то увлеченно малевать на своей бумажке, – Вы хотите купить судьбу?

– Я хочу купить того, кто приказывает судьям. Нам нужен мощный административный ресурс. Человек, который одним своим присутствием заставит капитана сыскального отдела сожрать собственную фуражку от стыда и горького разочарования, что он посмел залезть на территорию важного господина. Кто здесь самый жадный и самый высокопоставленный из чинов китайской администрации? В рамках разумного, конечно. На генералов я не претендую.

Нам нужен человек, который имеет реальную власть, любит наличные, и терпеть не может, когда полиция топчется по его огороду?

Ростовщик задумался. Его взгляд на мгновение стал отсутствующим. Видимо, он мысленно перебирал «картотеку» харбинских коррупционеров.

– Есть такой, – наконец медленно произнес Соломон. – Господин Дин Сян. Глава коммерческого управления всей зоны КВЖД. Родственник самого маршала. Очень влиятельный сановник. И очень, очень жадный. Это именно его люди за хорошую плату выправили нам задним числом бумаги на медь. Капитан Лян перед ним – просто пыль на сапогах. Но господин Дин не станет марать руки, спасая русского беженца от обыска. Даже за большие деньги. Это слишком мелко для его статуса.

– А мы не будем просить его о спасении, – я усмехнулся. – В нашей ситуации все должно выглядеть так, будто для Дин Сяна сотрудничество с князем Арсеньевым гораздо выгоднее, чем для самого князя. Мы принесем ему на блюде коммерчески выгодное предложение. Такое, от которого он не сможет отказаться. Например – возможность неплохо заработать в ближайшее время на нашем алкогольном производстве.

Блаун нахмурился. Почесал указательным пальцем бровь. Моя логика пока ускользала от него, и еврея данный факт явно напрягал. Как это так, он не улавливает суть схемы, придуманной человеком, который вроде бы, в силу возраста, должен быть менее опытным и менее умным.

– Ой, князь, я вас умоляю... Что-то Соломон перестал вас понимать, – с легким недоумением произнес ростовщик. – Вы таки хотите предложить господину Дин Сяну официальное партнерство? Сделать с ним открытый гешефт? Боюсь показаться грубым, но на кой черт вам такие нервы?

– Никаких общих дел, – я отрицательно качнул головой, – Зачем нам подобные сложности? К тому же у меня уже есть один партнер. Ваша дочь, как помните. Этак мне никаких долей не хватит, если я каждый день буду увеличивать число тех, кто имеет отношение к будущей прибыли. Мы предложим ему хороший, стабильный откат. За... Скажем, за помощь в создании крепкой системы логистики.

– Откат... Логистика? Ой вей, что вы такое говорите, князь? – еврей удивленно приподнял брови. Специфические слова из будущего были ему совершенно неизвестны, что совершенно закономерно.

Но я, если честно, не особо переживал, что ростовщика подобные термины способны насторожить. Всегда можно сослаться на образованность князя Арсеньева и сделать вид, будто в Лондоне или Париже сейчас все только их и используют. Времена такие. Появляется много нового. Поди разбери, откуда пришло непонятное словечко.

– Мои уши отказываются понимать странный язык, – Блаун развел руки в стороны, – Что это вообще за звери такие? Вот она, беда нашего времени. Молодые люди хватают какую угодно чушь, а потом смущают ею не только свои умы, но и наши.

– Откат, Соломон Маркович, – я небрежно махнул рукой, – Вы с такими еще не сталкивались. Фиксированный процент от валовой прибыли. Наличными. Каждый месяц в пухлом конверте, прямо в руки доверенному лицу господина Сяна. Без официальных бумаг, без следов и ниточек, за которые можно ухватиться.

Я сделал паузу, чтоб старый лис успел переварить новую информацию.

– А логистика – это грузоперевозки. Господин Дин ведь заправляет коммерцией на железной дороге? Вот пусть обеспечит нам зеленый свет. Чтобы доставка четко работала не только по Харбину, но и в другие города. А там, чем черт не шутит, наладим экспорт в другие страны. Масштаб!

Блаун слушал меня с таким блеском в глазах, что сразу становилось понятно, он мою идею оценил. Все идеи. И насчет чиновника, и насчет масштабов.

– Понимаете суть, Соломон Маркович? Дин – уважаемый сановник, который помогает развивать экономику и транспортную сеть региона. Идеальный повод для знакомства и ведения дел. А по итогу – он получит свою долю наличными и автоматически становится нашим гарантом безопасности и действительно будет полезен для развития бизнеса. Кто в здравом уме полезет к предприятию, чьи эшелоны отправляет лично глава коммерческого управления? Никакой мелкий полицейский чин даже близко не подойдет к нашим воротам. Полное отсутствие интереса со стороны проверяющих и никаких рисков для репутации господина Дина.

Без ложной скромности скажу – я был доволен собой. План созрел мгновенно. Схема, гениальная в своей простоте. Мы не только решали проблему с обыском, но и закладывали фундамент под будущую логистику и экспорт.

– Ой, вей... – протянул ростовщик, изучая меня почти с опаской. – Вы дьявольски умны, князь. Иногда я думаю, что даже слишком. Для своего юного возраста, конечно. Живые деньги из воздуха... Дин Сян обожает подобные комбинации. Его жадность уступает только его же тщеславию.

– Значит, план такой... Сейчас едем к господину Дину. Вы нас представляете. Я распишываю перспективы. Обещаю золотые горы. А потом приглашаем его лично оценить масштаб предприятия. Прямо сегодня. Вежливо, но настойчиво.

– Вы хотите притащить главу коммерческого управления на лесопилку? – Блаун удивленно вскинул брови.

– Именно. И когда вечером люди капитана Ляна захотят попасть на территорию артели, мы не будем им препятствовать. Они обнаружат здесь не испуганных беженцев, не контрабандистов, обложившихся золотом и оружием, а свое высшее начальство. Представляете, что господин Дин сделает потом с капитаном, который прервал его финансовые переговоры?

Соломон Маркович откинул голову назад и громко рассмеялся.

– Князь, если мы это провернем, капитан Лян будет лично охранять забор вашей лесопилки от бродячих собак до конца своих дней. Едем! Нельзя терять ни минуты.

Мы с Блауном резво накинули свои шубы и уже почти рванули к выходу. К счастью, я вовремя вспомнил про медника, который все так же тихо сидел в своем углу.

– Вот черт... – Обернулся к Лю.

Китаец так и сидел над своими чертежами, увлеченно чертил какие-то схемы.

Я подошел, тронул его за плечо и поманил пальцем. Сделал пару недвусмысленных жестов. Мол, пора поработать руками. Медник взял бумажку, подхватил мешок с инструментом и молча встал.

За спиной раздался театральный вздох.

– Ой, князь... – Соломон усмехнулся. – Вы таки хотите предъявить глухонемого медника господину Дин Сяну в качестве нашего главного переговорщика? Или это хитрая стратегия – взять китайского чиновника измором и многозначительным молчанием?

– Берегите нервы, Соломон Маркович. На переговоры поедem вдвоем. А у мастера Лю здесь своя задача.

Мы вышли на мороз. Времени до темноты и до возможного визита полиции оставалось катастрофически мало.

Из-за пакгауза бесшумной тенью вынырнул Тимофей. Его бородатая физиономия светилась такой откровенной радостью, будто он в карты новенький пулемет выиграл. Вахмистр остановился, заметив, что я не один, многозначительно посмотрел в сторону того самого сарая, куда должен был пригласить шпика для приватного разговора.

Я обернулся к ростовщику:

– Извините, Соломон Маркович, отойду на минуточку.

Блаун с сомнением покосился на Тимофея, но возражать не стал.

– Готово, ваше сиятельство. Птичка в клетке. Спеленал аккуратно, пикнуть не успел, – сообщил мне довольный вахмистр, как только мы с ним уединились.

Я прищурился, внимательно изучая подозрительно счастливую физиономию Тимофея.

– Тимоха, смотри мне в глаза. У нашего «гостя», часом, нет свежих травм? Может, он внезапно поскользнулся и упал лицом на твой кулак?

Пластун изобразил оскорбленную невинность:

– Обижаете! Подошел сзади, пальцами шею чуть придавил – он и обмяк. Ни царапинки.

– Где он?

– В дальнем сарае. Как и было велено. Дозвольте пару вопросов ему задать?

– Нет. Никаких допросов без меня, – отрезал я, пресекая инициативу на корню. – Пусть посидит в темноте. Неизвестность ломает волю лучше любых побоев. Слушай мой приказ. Времени в обрез. Первое – забирай немного китайца. Вон он, стоит возле Соломона Марковича, тарашится на снег. Потом разыщи Бессонова и отправляй их обоих в цех. Только предупреди профессора, что Лю глухой. Пусть объясняется с ним рисунками, жестами, на пальцах. Как угодно. Надо обозначить меднику фронт работы. В деталях. Наш друг Соломон Маркович уверяет, что лучшего мастера не сыскать по всему Харбину. Второе – отправь самого быстрого парня в лавку. В хорошую лавку, приличную. Пусть купит лучший французский коньяк, черную икру, хорошие сигары. Накроешь в моем кабинете стол по высшему разряду. Да... Скажи княгине Шаховской, пусть что-нибудь горячее быстро сообразят. С нашим, русским размахом.

Глаза Тимохи полезли на лоб:

– Стол? Павел Саныч, вы простите, но разумно ли праздновать, когда на носу – появление китайской полиции?

– Мы ждем очень важного гостя. От него зависит исход сегодняшнего дня. Хочу, чтоб этот господин уехал с лесопилки в наипрекраснейшем настроении.

– Понял, – со знаменитым кивком Тимоха, – Вы собираетесь уезжать? Еремея звать?

– Да. Пусть срочно подает сани. У нас крайне важное дело намечается.

Глава 3

Дорога до резиденции Дина Сяна заняла около получаса. Рядом со мной на сиденье покоился потертый кожаный портфель с латунными застежками. Увесистый, зараза. Внутри лежал один из тех самых слитков самурайского золота. Взял его с лесопилки «на всякий случай». Соломон Маркович, кутающийся в меха по соседству, разумеется, пребывал в святой уверенности, что там спрятаны исключительно чертежи и сметы нашего будущего производства. Старому лису лишние знания сейчас ни к чему. Пригодится золото или нет – пока не знаю.

Глава коммерческого управления обитал в Новом Городе. Это был совершенно другой Харбин. Широкие освещенные проспекты. Роскошные двухэтажные особняки за высокими каменными оградами. Никакой копоти и грязи района Пристаней. Всё цивилизно и богато. Почти как в моём современном мире, где-нибудь в элитном подмосковном коттеджном посёлке. Меня даже немного пробило на ностальгию.

Прикупить, что ли, домик тут? Потом, чуть позже, когда наличность карманы оттягивать начнет.

Хотя... Я откинулся на спинку сиденья, глядя на проносящиеся мимо кованые заборы. Если вспомнить историю, местный рынок элитной недвижимости имеет один огромный изъян. Примерно через десять с небольшим лет вся эта уютная маньчжурская песочница превратится в кровавую мясорубку. Японцы устроят здесь классический рейдерский захват в глобальных масштабах.

В памяти всплыли сухие факты, известные мне в будущем. И снова спасибо переводчику Косте. Тот, как только мы начали работать с китайцами, счел своим долгом устроить исторический экскурс в прошлое азиатов. Говорил, чтобы понять их, нужно хорошо знать, что пришлось пережить бедолагам. В том числе, в Харбине. Городишко-то знаковый.

Схема будет – чисто наши девяностые, только с авиацией и артиллерией. Японский полковник Кэндзи Доихара, местный интриган восьмидесятого уровня, начнет мутить воду. Провинцию распилят на части. С одной стороны будут упираться местные китайские авторитеты вроде генерала Дина Чао, с другой – лягут под самураев продажные шкуры типа генерала Си Ця. Не уверен, правильно ли в моей голове отложились имена всех действующих лиц, да это и не важно. Суть в другом.

Когда переговоры забуксуют, самураи устроят типичную «подставу». Организуют прямо здесь, в Харбине, беспорядки, пустят в расход четверых своих же японских агентов и завопят на весь мир: «Наших быют!». Схема, в общем-то старая и вполне рабочая. Плавали, знаем.

И тогда в конце января тридцать второго года сюда поперет вторая пехотная дивизия генерала Тамона Дзиро. Прямо по тридцатиградусному морозу. Пожалуй, только от японцев можно ожидать подобного безумия. Обмороженные, но мотивированные донельзя, в начале февраля они возьмут Харбин в кольцо, и вся битва за город продлится жалких семнадцать часов. Это даже штурмом назвать сложно – просто избиение младенцев. Японская артиллерия и авиация раскатают в блин плохо обученных китайских ополченцев Дина Чао, и тот побежит поджав хвост вниз по Сунгари.

Еще будет фигурировать какой-то генерал Ма Чжаньшань... Так вроде бы... Имена, конечно, у них. Язык сломаешь.

Про него подробности не особо помню. Да и черт с ним. Главное, что Доихара принесет ему миллион долларов. Золотом. За такие бабки чувак с потрохами продаст и родину, и совесть. Станет губернатором и министром обороны в новом марионеточном государстве Маньчжоу-го, на трон которого японцы для смеха посадят нафталинового экс-императора Пу И.

Корпорация поглощена, совет директоров куплен, конкуренты зачищены. Сказал бы – красавчики! Но не скажу. Потому что ко мне теперь вся эта заруба имеет самое прямое отношение. Десять лет – небольшой срок на самом деле. Не успею оглянуться, а тут уже черт знает что происходит.

Я усмехнулся своим мыслям, кутаясь в шубу.

Да уж. Покупать домик – инвестиция так себе. По-хорошему, у меня два варианта. Либо менять саму историю. Сломать японцам зубы еще на подходе, чтобы они вообще свой нос в Харбин сунуть побоялись. Либо выдоить эту территорию досуха и свалить в Европу с полными чемоданами налички задолго до начала интервенции. Хотя... В Европе к тому времени начнут распространяться «коричневая чума». Не знаешь, что хуже. Если идея отбиться от японцев имеет хоть какие-то, пусть очень призрачные перспективы, то с чертовым Адольфом хрен такое прокатит. Его надо было душить в колыбели.

Черт... Я завис, уставившись в одну точку. А ведь и правда. Туда-сюда – и начнется всемирная жопа. Я настолько увлекся решением насущных проблем, что совсем забыл о будущем, которое, так-то, не за горами.

Еремей натянул вожжи, сани плавно затормозили у массивных кованых ворот резиденции Дина Сяна. Пришлось отодвинуть мысли о не самых радужных перспективах в сторону.

– Приехали, князь, – сухо произнёс Соломон. – Будем надеяться, что наш план сработает и эта акула проглотит наживку.

Я усмехнулся.

– Что-то мне подсказывает, Соломон Маркович, господин Дин Сян не сможет отказаться от столь лакомого, дармового куска.

Мы вылезли из саней.

Охрана на воротах, завидев Блауна, пропустила нас без лишних проволок. Это были не обычные солдаты в помятых шинелях, а настоящая личная гвардия. Сытые, рослые, одетые в добротные зимние мундиры с меховыми воротниками. У каждого на поясе – тяжелая деревянная кобура с новеньким «Маузером», а у двоих за спиной даже имелись винтовки.

С первого взгляда становилось понятно – Дин Сян не просто кабинетный чинуша, у человека есть очень серьезный силовой ресурс.

Что примечательно – Соломона здесь знали. И, судя по почтительным коротким поклонам, весьма уважали. Настолько, что даже не стали морозить наши задницы на улице в ожидании ответа своего господина – примет он незваных гостей или нет. Вместо этого любезно пустили внутрь.

В просторном холле нас тут же перехватила вышколенная прислуга. Двое молодых китайцев приняли верхнюю одежду. Один из слуг потянулся было к моему портфелю. Я вежливо, но предельно жестко отвел его руку. Мол, свое ношу с собой. Китаец мгновенно всё понял и отступил. Затем нас со всем уважением препроводили в гостиную и предложили присесть в мягкие кресла.

Я осмотрелся. Мысленно посмеялся. У хозяина, конечно, со вкусом серьезные проблемы. Он явно при выборе интерьера следовал принципу – дорого-богато.

Первое, что бросилось в глаза – золото. Очень много золота. Оно было везде: на лепнине, рамах зеркал, в нитях портьер. Здесь надо жить не китайскому чинуше, а какому-нибудь цыганскому барону. Те тоже страсть как любят золотишко.

Однако торжество безвкусицы на этом не заканчивалось. По потолку летали розовощекие херувимы в облаках, стены украшал шёлк цвета венозной крови.

Мебель из темного ореха, инкрустированная перламутром, казалась неподъемной. Огромная люстра из горного хрусталя напоминала застывший водопад, а зеркала, расположенные друг напротив друга, создавали иллюзию бесконечных коридоров.

В общем, не дом, а страшный сон любого адекватного человека. Я бы в таком точно сошел с ума за пару дней.

Мы с Соломоном расположились в креслах, слуга умчался докладывать своему господину о прибывших гостях.

Нам подали чай. Не в китайском стиле, а по европейскому. Слава богу.

Сам господин Дин явился спустя минут пятнадцать. Он оказался тучным, гладко выбритым китайцем лет пятидесяти. Сановник был одет не в традиционный халат, а в костюм-тройку из дорогой английской шерсти. На толстом пальце тускло поблескивал массивный золотой перстень с нефритом.

Хозяин дома «вплыл» в гостиную грузно и неспешно, словно тяжелый линкор. Мы, выказывая уважение, встали, поклонились, как того требует местный этикет.

Он прошёл мимо нас, занял кресло с самой высокой спинкой. Мне в голову невольно полезли все эти приколы про большие размеры автомобилей, которые компенсируют проблемы с мужским достоинством. Кресло, конечно, не джип, но тоже навевает некоторые сомнения.

Я решил, что достаточно уважил хозяина, и уселся обратно, а вот Соломон продолжал стоять.

Дин Сян окинул нас ленивым, холодным взглядом, в котором не было ни гостеприимного тепла, ни враждебности – только отстраненное любопытство коллекционера, разглядывающего новые экспонаты.

Вместо приветствия хозяин дома едва заметно наклонил голову. Молча. Пялился он исключительно на Соломона, игнорируя меня целиком и полностью. Я пришел к выводу, что этот высокомерный мудака мне категорически не нравится. Но... Придется потерпеть. По крайней мере пока. А вот друзьями мы с ним точно не станем.

Блаун прижал ладонь к груди, опять поклонился. Видимо, того требовал протокол.

Я мысленно пожелал Дин Сяну с его китайскими церемониями сдохнуть в мучениях. Такими темпами мы только раскланиваться будем еще полчаса. А время, как бы, не резиновое. Оно тикает.

– Глубокоуважаемый господин Дин! – голос Соломона звучал так, будто он выступает на сцене драматического театра. – Видеть вас в добром здравии – это всё равно что найти оазис в пустыне! Вы – истинное солнце Маньчжурии, путеводная звезда, по которой все разумные люди сверяют свои финансовые часы. Спасибо, что уделите частичку вашего бесценного времени двум скромным путникам.

Дин чуть прищурился, удовлетворенно кивнул, позволяя этому потоку ванильного красноречия течь бальзамом по душе. Ростовщик тем временем плавно перешел к главной части своего выступления и сделал широкий жест в мою сторону.

– Позвольте представить вам человека, чей приезд в наши края – это не просто случайность, а знак свыше. Князь Павел Александрович Арсеньев. Юноша, который обладает не только благороднейшей кровью, но и потрясающим умом. Он привез с собой особенные технологии, господин Дин. Эти технологии способны заставить любой сад расцвести золотыми монетами.

Соломон Маркович набрал воздуха в грудь и собрался продолжить свою речь. Стало понятно, что к делу мы перейдем нескоро. Такое развитие событий меня категорически не устраивало. Надо решить волнующий вопрос с полицией, которая вот-вот нагрянет, а потом пусть еврей восхваляет Дина, меня, хоть всех жителей Харбина поименно, до завтрашнего утра.

– Господин Сян, – перебил я Блауна, от чего у старого лиса чуть не случился микроинсульт. Похоже, это немного нарушало правила. Плевать! – Со дня на день мы планируем запустить производство качественного спирта и алкоголя высочайшей очистки. Рынок сбыта – весь Дальний Восток. Спрос превышает предложение в десятки раз.

Китаец медленно перевёл на меня недовольный взгляд. Его второй подбородок раздраженно качнулся.

– Зачем вы это рассказываете, князь? – спросил он по-русски, с легким акцентом. – Хотите просить налоговые льготы? Или преференции на железнодорожные перевозки?

– Хочу предложить вам... сделку, – спокойно ответил я, глядя ему прямо в глаза.

Пока китаец переваривал мою наглость, я еще раз очень быстро прокрутил в голове весь расклад.

Главный козырь Дина Сяна – вовсе не солидная табличка на дверях коммерческого управления КВЖД. Его настоящая ценность – связь с маршалом Чжан Цзолинем, безраздельным хозяином всей Маньчжурии. В нынешней харбинской системе одно слово человека из клана маршала весит больше, чем закон или уголовный кодекс. Любой капитан сыска, вроде нашего жадного Ляна, скорее наложит в штаны и сам закопается в снег, чем рискнет перейти дорогу такой фигуре.

К тому же Дин плотно сидит на логистике. Он контролирует тарифы и внутренние таможи. С его негласной санкции вагоны с моим спиртом будут пролетать все кордоны со свистом, без единого досмотра. Да, от японской разведки с их самурайским золотом или от наглухо отмороженных хунхузов этот холеный сановник меня не спасет – там работают другие законы. Но с бандитами и шпионами как-нибудь разберусь сам. Сейчас нужен пуленепробиваемый щит от легавых.

– Без договоров, без печатей и без лишних свидетелей, – продолжил я, после короткой паузы. – Предлагаю вам десять процентов от чистой прибыли предприятия ежемесячно. Наличными. Золотом или иенами, на ваш выбор. За то, чтобы ни один полицейский, ни один таможенный инспектор не переступил порог моего завода без вашего личного приказа. Ну и, конечно, за помощь, которая потребуется очень скоро в вопросах транспортировки продукта.

Глаза Дина Сяна едва заметно сузились. Хотя, казалось бы, куда уж больше. И так похожи на две щелочки. Десять процентов от алкогольного производства – это очень достойная сумма. От нее закружится голова даже у сановника высшего ранга. А главное – никакой юридической ответственности. Никаких подписей на сомнительных документах. Только стабильный, неиссякаемый поток серебра в карман.

– Вы расписываете все очень красиво, князь, – медленно произнес чинуша после минутного раздумья. – Но слова беженца, пусть и с титулом, ничего не стоят. Я не видел ни завода, ни оборудования. Возможно, вы просто увлекательно говорите, имея какую-то скрытую цель.

Бинго! Именно это нам и надо. Китаец только что сделал половину работы за меня. Сам озвучил причину, по которой может оказаться на лесопилке.

Я улыбнулся. Широко, уверенно.

– Господин Дин. Серьезный бизнес не строится на пустых словах. Именно поэтому имею честь пригласить вас на закрытую демонстрацию. Прямо сейчас. Мой экипаж ждет у дверей. Прошу вас оказать любезность и проехать на лесопилку. Вы лично увидите чертежи, оборудование и моего профессора. Мы выпьем отличного французского коньяка, оценим перспективы и ударим по рукам.

Вообще, конечно, врал безбожно. Пока что в наличие нет ни нормальных чертежей, ни оборудования. Есть только коньяк и профессор. На последнего, как раз, делаю ставку.

Бессонов умеет быть убедительным, особенно в вопросах, которые касаются дела. Он на пальцах, с двумя медными болванками в руках покажет Дину все, что тому надо знать. Да и потом, в первую очередь меня сейчас интересует сам факт присутствия этого откормленного сановника. С остальным как-нибудь разберемся. К тому же, я приготовил китайцу небольшой сюрприз. Для затравочки, так сказать.

Дин откинулся на спинку своего «трона», побарабанил пухлыми пальцами по подлокотнику. А затем коротко, сухо рассмеялся.

– Ехать? Сейчас? – Он покачал головой, его лицо мгновенно стало жестким, почти брезгливым. – Вы переоцениваете свое обаяние, князь. И мое терпение. Я не езжу по ночным трущобам слушать сказки эмигрантов. Привезите чертежи и вашего профессора сюда. Завтра к полудню. Если мне понравится – мы поговорим. А сейчас аудиенция окончена.

Слуга у дверей сделал шаг вперед, недвусмысленно намекая, что нам пора на выход. Соломон дернулся было вперед, намереваясь спасти ситуацию, но я опередил его. Подтянул портфель и резко щелкнул латунными замками. Сунул руку внутрь.

Движение было настолько внезапным и не по протоколу, что атмосфера в комнате резко перестала быть вежливой. Слуга у дверей напряженно дернулся, собираясь, видимо, заорать: "На помощь!" Дин Сян испуганно вжался в высокую спинку кресла, на мгновение растеряв все свое высокомерие. А бедный Блаун сдавленно охнул. Похоже, все присутствующие на полном серьезе решили, что я сейчас выхватываю из портфеля револьвер или, чего доброго, бомбу.

Ужас... С кем мне приходится работать...

Я спокойно, без суеты, вытащил из недр портфеля тяжелый, тускло блестящий брусок. Вот и наступило то самое "на всякий случай", ради которого мне пришлось тащить чертово золото.

Поднялся, подошел к столику, стоящему рядом с хозяином дома, аккуратно опустил на полированную столешницу слиток.

Бам.

Одновременно с этим глухим звуком вздрогнули и Соломон, и чинуша. У ростовщика вообще стало такое обиженное лицо, будто его предали. Старый лис не ожидал, что у меня имеются подобные козыри в рукаве.

Боялся ли я светить золотом перед насквозь коррумпированным сановником и хитрым ростовщиком? Ни капли. Японцы сильно помогли мне тем, что на золоте нет ни банковских клейм, ни номеров, ни других символов. Опознать, кому оно принадлежит – нереально. Да и не поскачут ни Сян, ни ростовщик кому-то рассказывать о слитке. У обоих имеются причины для молчания. К тому же, совершенно не планирую озвучивать, сколько подобных брусков у меня имеется.

– Покупаю один час вашего времени, – заявил я, глядя прямо в пухлую физиономию Дину, – Сейчас. Готов отдать этот прекрасный слиток, доставшийся мне от маменьки, в качестве оплаты. Оцените, господин Сян, уровень моей заинтересованности. Расстаюсь с памятной вещицей, напоминающей о Родине. Ну и, конечно, для вас должен быть показательным тот момент, что я ухитрился провезти золото через границу. – На моем лице появилась многозначительная усмешка, – Думаю, вам, как никому другому, известно, насколько это тяжело.

– Какая, однако, у вас умная была маменька... – Тихо высказался себе под нос Соломон Маркович, но так, чтобы я наверняка его услышал, – Обычно родители оставляют на вечную память безделушку или собственный портрет...

– Это у нас семейное, – так же тихо ответил я Соломону.

Дин Сян замер и не шевелился. Даже моргать перестал. Он пялился как зачарованный на слиток.

– Более того, – мой голос стал чуть насмешливее, – Если потрачу ваше время впустую, и на лесопилке вы не увидите ничего интересного для себя, золото все равно останется у вас.

Чиновник оторвался, наконец, от драгоценного металла и принялся буравить меня взглядом. В нем, в этом взгляде, больше не было ленивой снисходительности. А вот сомнение – адекватен ли русский князь, появилось. Думаю, прежде никто не оценивал время Дина столь высоко. Он сам его так не оценивал.

Соломон Маркович, который тоже взял себя в руки, снова подключился к нашей игре.

– Многоуважаемый господин Дин! – голос ростовщика звучал вкрадчиво. – Вы же знаете старого Блауна. Разве Соломон стал бы рисковать и тратить ваше бесценное время на пустые

разговоры? Молодой князь горяч, но это настоящий бриллиант. Я поручаюсь за него своим собственным именем и капиталом! Поверьте поездка на лесопилку заставит вас забыть о сомнениях.

Статус Соломона как поручителя, помноженный на лежащий на столе золотой слиток и мою отороженную готовность использовать любые методы, перевесили чашу весов.

Дин Сян, не отрывая от меня взгляда, велел слуге убрать золото в его личные покои. Как только слиток уплыл в неизвестном направлении, чиновник дал согласие.

– Хорошо. Я уделю вам один час своего личного времени, – Он тяжело поднялся, одернул жилет, – Едем. Посмотрим, что вы там придумали, князь.

Глава 4

В Харбине смеркается быстро. К воротам лесопилки мы подкатали, когда морозная синева вечера уже окутала район Пристани. По моим подсчетам, до визита полиции оставалось не больше часа. Будет, конечно, забавно, если они вообще не появятся. Хотя, как говорится, не с нашим счастьем.

Кавалькада выглядела внушительно. И да, конкретно в данном случае слово "кавалькада" подходит как нельзя лучше. Впереди ехали мы с Соломоном в пролетке, которой лихо управлял Еремей. Следом, тяжело переваливаясь по ухабам, катился роскошный, блестящий черным лаком "Паккард" Дин Сяна, плотно окруженный его личной охраной. По обеим сторонам от автомобиля двигались всадники с винтовками. Аж четыре человека. Еще один гвардеец сидел в машине.

Честно сказать, со стороны все это смотрелось слегка абсурдно. По крайней мере, для меня. Особенно, если учитывать, что дорога в районе Пристани не такая уж широкая. В некоторых местах лошади буквально прижимались к тачке и мне казалось, сейчас кто-то кого-то точно задавит. Либо машина их, либо они машину.

Однако, в то же время, китайца я прекрасно понимаю.

Для сановника уровня Дин Сяна, приближенного самого маршала Чжан Цзолиня, охрана – это не только безопасность, но и демонстрация власти. Поехать одному или с парочкой слуг – всё равно что миллиардеру из будущего явиться на важную встречу на метро. Чем больше вооруженных людей окружают пухлого чинушу, тем круче его "лицо", это их дурацкое мянцзы. У китайцев просто уйма условностей и правил.

Ну и конечно, немаловажную роль играло банальное опасение за свою жизнь. Переться на ночь глядя на окраину города – это риск. В подобных райончиках орудуют хунхузы, Триады и отмороженные белогвардейцы. Дорогая машина сановника – как кусок мяса в вольере с голодными псами. И уж кому-кому, а местным бандитам будет искренне плевать на связи Сяна. Хоть кем ему приходится известный генерал.

Кроме того, сам Дин Сян далеко не идиот. Даже при том, что некоторые его замашки наводят именно на такие мысли. Он едет на чужую, закрытую территорию к русским. Ему нужна уверенность – если это ловушка, его люди смогут отбить босса и раскатать врага в блин.

Завидев кортеж, парни, охранявшие ворота лесопилки, сначала прибалдели. Они такого торжественного появления не ожидали. Но тут же взяли себя в руки. Так понимаю, не без помощи Корфа. Мне показалось, я слышал его раздраженную команду:

– Чего застыли? Ну-ка закрыли рты и открыли ворота! Не позорьтесь!

Створки мгновенно распахнулись, пропуская транспорт на территорию лесопилки.

И вот тут, честно говоря, слегка прихренел уже я.

Селиванов и Шаховская отличаются крайней исполнительностью, на них можно положиться в любых бытовых вопросах. Это факт известный. Перед отъездом мной были оставлены четкие указания – подготовиться к приезду китайского чиновника. Я сразу был уверен, что управляющий с Верой Николаевной расстараятся по полной программе. Но конкретно в этот раз они превзошли сами себя.

Во-первых, двор оказался полностью вычищен от сугробов. Вообще. Просто утопанное белое полотно. Во-вторых, нигде не было видно детей. Видимо, мелюзгу отправили в барак, чтобы они случайно не залепили снежком в высокопоставленное китайское лицо. Тем более там такое лицо, что промахнуться будет очень сложно.

Но главное – от самых ворот до крыльца конторы тянулась натуральная красная ковровая дорожка! Точнее, что-то очень на нее похожее. Представить не могу, где мои подопечные это

отыскали. Еще больше не могу представить, на кой черт вообще половик оказался среди вещей беженцев. Это кто додумался тащить его с собой в Китай?

Дальше – больше.

Едва тяжелый автомобиль Дин Сяна остановился, и охранники бросились открывать ему дверцу, морозную тишину разорвал пронзительный, надрывный звук скрипки. Я поначалу даже не поверил своим ушам. Думал, начались галлюцинации с устатку. Повернулся, посмотрел на Соломона. Хотел проверить, не потекла ли у меня крыша. Однако, физиономия ростовщика выглядела точно такой же обалдевшей, как и моя. Ну слава богу! Если сумасшествие, то хотя бы коллективное.

Оказалось, Селиванов среди жителей общины отыскал скрипача-виртуоза и теперь этот господин, облаченный в нарядный костюм, поверх которого было накинуто пальто, вдохновенно наяривал зажигательную, страстную русскую мелодию. Играл музыкант с таким куражом, что несколько встречающих нас людей, начали притаптывать на месте и подергивать плечами.

Кстати, да. Встречающие, само собой, тоже были. Они выстроились полукругом и смотрели на Дин Сяна с такими счастливыми лицами, будто им привезли самого императора. Не факт, что китайского. Пожалуй только счастье это было слишком натужным и театральным. У некоторых так свело скулы от улыбки, что она стала больше напоминать оскал.

По красной дорожке, плавно покачивая бедрами, прямо к чиновнику плыла знойная кухарка. Та самая кареглазая, полногрудая девица, которая совсем недавно пыталась соблазнить меня расстегнутыми пуговичками у плиты. Сейчас пуговички были целомудренно застегнуты, на плечах красовался цветастый павлопосадский платок, а в руках она держала деревянный поднос. На подносе возвышался пышный, румяный русский пирог с мясом, источающий умопомрачительный аромат, и хрустальная рюмка с водкой.

В какой-то момент мне показалось, сейчас из-за пакагуза выскочит цыганский хор с медведями. Все по классике русского гостеприимства дореволюционного формата.

Я мысленно поаплодировал Петру и Вере Николаевне. Они ухитрились за каких-то полтора часа организовать грандиозный, бесстыдный, но абсолютно гениальный китч. Понты высшей пробы.

Дин Сян, кутаясь в дорогие меха, буквально застыл на месте. Его непроницаемое, высокомерное лицо выглядело сейчас крайне удивленным, но при этом, несомненно, довольным. Столь откровенного, царского подхалимажа на старой лесопилке он явно не ожидал. Было очень заметно, как эго чинуши моментально раздулось до немислимых размеров и довольно замурлыкало.

Соломон, стоявший на полшага позади меня, тихо и одобрительно крикнул. Оценил уровень подготовки.

Кареглазая подошла к сановнику, изящно поклонилась. Длинная коса скользнула с плеча. Одна из пуговичек, самая верхняя, не выдержав напора, тихо тренькнула и отлетела в сторону. Узкие глаза китайского чиновника в одно мгновение стали подозрительно круглыми. Он получил уникальную возможность оценить всю красоту русской души. В буквальном смысле. Слава богу, что не целиком. Девица тоже молодец. Додумалась выскочить на улицу без верхней одежды.

– Отведайте с мороза, господин! – произнесла она елейным голоском, ничуть не смутившись невольной откровенности.

Дин Сян милостиво кивнул, продолжая одним глазом пялиться на грудь красавицы, взял рюмку, ловко опрокинул ледяную водку и закусил горячим, истекающим соком куском пирога. Судя по тому, как расцвела его физиономия, угощение зашло идеально. Да и девица чинуше несомненно приглянулась.

Не успел китаец с блаженной улыбкой поставить пустую рюмку обратно на поднос, как грянул второй акт этого марлезонского балета. И он именно грянул.

Вся толпа встречающих – а это без малого человек десять – резко, во всю мощь легких, совершенно без предупреждения и моральной подготовки заголосила хором:

– К нам приеха-а-ал, к нам приеха-а-ал!!! Господин начальник дорого-о-о-ой!!!

От этого внезапного, а главное оглушительного ора Дин Сян едва не подавился куском пирога, который как раз дожевывал. Его сытая улыбка испарилась в долю секунды. Сановник испуганно дернулся, попятился назад и чуть не впечатался спиной в одного из своих сопровождающих. Охрана китаец тоже напряглась. Они не могли понять, с какого перепуга эти ненормальные русские так радуются, и не является ли их подозрительная радость плохим признаком.

А балаган только набирал обороты.

Кареглазая кухарка технично всучила поднос с графином одному из стоящих рядом мужиков, звонко ухнула, и тут же откуда-то сбоку выскочили еще три румяные девицы в цветастых шалях. Они с гиканьем и притопами взялись за руки, сомкнули кольцо, а затем пустились в безумный, разухабистый хоровод прямо вокруг ошарашенного китайского чиновника. Все это под фееричную игру тощего скрипача, который вдруг резко сменил репертуар и принялся наяривать что-то очень близкое Соломону. Я уловил откровенные мотивы "Хава Нагила".

– Пей до дна! Пей до дна! – скандировали девицы, кружась вокруг окончательно ошалевшего Дина. А он может и выпил бы. Тут грех не выпить. Только никто больше не наливал.

Среди встречающих я заметил бледную испуганную физиономию Селиванова и каменное лицо Шаховской. Похоже, данный номер программы для них тоже был сюрпризом. Они сами не понимали, в какой момент, а главное – почему, наша суровая криминально-коммерческая презентация превратилась в этот русский-народный цирк.

А потом мой взгляд выцепил Тимофея.

Вахмистр стоял чуть поодаль, привалившись широченным плечом к столбу. Его лицо было красным, плечи мелко тряслись, густые усы топорщились в разные стороны. Суровый пластун буквально ухохатывался. Он изо всех сил зажимал рот огромной лапицей, чтобы не заржать в голос и не сорвать мероприятие окончательно.

Вот же паршивец! Его рук дело. Казак решил от души поглумиться над напыщенным азиатом и добавил в культурную программу Селиванова чисто русского колорита. Впихнул этот гвоздь программы втайне от остальных, просто чтобы посмотреть, как важный гусь будет хлопать глазами посреди бабьего хоровода.

Я незаметно показал кулак Тимофею. Тот резко изменился в лице и начал активно изображать случайного прохожего, волей случая попавшего не в то место.

Пришлось срочно спасать ситуацию, пока у Дин Сяна не случился культурный шок с переходом в инфаркт. Я шагнул вперед, одним жестом останавливая этот кордебалет, а потом, как ни в чем не бывало, улыбнулся растерянному сановнику:

– Широта русской души, господин Дин! Исключительно в знак глубочайшего уважения к вашей персоне. Чтоб вы понимали, на нашей Родине таким образом встречают только аристократов высшего толка.

– То-то я смотрю на нашей Родине аристократы в последние три года имеют привычку помирать пачками, – тихо буркнул Соломон, – Думал, большевики виноваты. Ан нет. Гостеприимство.

Я оглянулся, бросил на ростовщика выразительный взгляд. Суть этого взгляда сводилась к следующему – не заткнуться ли вам, Соломон Маркович.

– А теперь прошу, – моя рука широким жестом указала в сторону конторы. – Извольте пройти. У нас еще много интересного.

Про себя подумал – главное, чтоб от этого "интересного" у меня тут соратник генерала Цзолия не двинул кони раньше времени. А там как раз и полиция подтянется. Все в цвет.

По предварительной договоренности Селиванов должен был накрыть стол на первом этаже. Очень надеюсь, что Тимоха не успел приложить свою руку к оформлению банкета. Когда все закончится, вломлю ему люлей по самые не балуйся. Он, китайцев, конечно, недолюбливает, но сейчас откровенно переборщил.

Мы прошли в контору. Причем Дин Сян теперь постоянно оглядывался назад и спотыкался на каждом шагу. Он не мог оторвать взгляда от кареглазой красавицы. Только что не облизывался и не пускал слюну. Первый шок прошел, на смену испугу пришла абсолютная уверенность, что подобным образом его прежде нигде не встречали, а значит он и правда особенный гость. К тому же, чего еще ждать от русских, как не народного гуляния? А тут еще такие женские экземпляры разгуливают. "Стреляют" смешливым взглядом.

К счастью, в конторе все было прилично. Посреди "офиса" Селиванов поставил большой круглый стол из недавно сделанных. Накрыл его скатертью. Нас уже ждали лучший французский коньяк, черная икра, балык и другие яства. С краешку лежала коробка сигар.

Следующие полчаса прошли в теплой, почти дружеской атмосфере. Мы выпивали, закусывали и дымили сигарами. Селиванов сделал ход конем. Ухаживать за гостем, подавать закуску и заниматься сменой блюд он отправил кареглазую. Петр решил из "сюрприза" Тимохи вытащить максимум полезного. Ушлый у меня управляющий. Молодец.

Дин Сян окончательно расслабился. Его щеки порозовели, холодная надменность сменилась сытой благосклонностью. Чинуша вообще забыл, зачем его сюда позвали. Мне кажется, еще полчаса, и мы бы начали "брататься". Старый лис Соломон тоже не сидел без дела. Он мастерски поддерживал светскую беседу, подливал алкоголь и расточал комплименты.

Как только коньяк и крайне соблазнительные формы кухарки сделал свое дело, я понял – клиент созрел, настало время главного шоу.

– Теперь, господин Дин, когда, надеюсь, мне удалось ответить своим гостеприимством на ваше, предлагаю взглянуть на самое интересное, – я поднялся из-за стола.

Мы снова вышли на морозный воздух и двинулись к бывшему цеху. По моему указанию вахмистр должен был отвести медника именно сюда. Бессонова тоже. Здесь мы организуем производство. Самое подходящее место.

Я вёл себя совершенно уверенно, как гендиректор на приёмке стратегического объекта. Прошёл вперёд, распахнул перед гостями тяжёлые двери "мастерской".

Дин Сян проскользнул внутрь. Сделал несколько шагов, замер, оглядываясь по сторонам с любопытством.

В цеху всю кипела жизнь. Воздух был пропитан "ароматом" разогретого металла, резким запахом паяльной кислоты и сизым чадом бензиновых паяльных ламп. Посреди помещения уже начал зарождаться скелет будущего агрегата. Там возвышалось массивное медное брюхо перегонного куба, над которым в сизом дыму колдовал Лю. Рядом на деревянных козлах лежали два уже спаянных медных цилиндра – первые метры будущей башни.

В углу трое рабочих, обливаясь потом, как раз закончили отжиг. Хлынов необычайно нам помог, оставив почти все оборудование. В том числе, небольшую кузнечную печь, которая прежде использовалась для нужд лесопилки.

Тяжелая медная трубка, еще минуту назад раскаленная до вишневого свечения, с яростным шипением остывала в корыте с водой. Металл после такого термошока становится податливым как глина. Мужики вытащили трубку из воды и, натянув толстые рукавицы, принялись с натугой гнуть ее вокруг ровного бревна, чтобы сформировать идеальный спиральный змеевик.

Сам Бессонов, ухитряясь перекрикивать рабочий шум, ползал на коленях вокруг кучи вырезанных медных блинов. Размечал отверстия для фильтрующих тарелок. На небольшом столе лежали чертежи.

Но самое интересное – из цеха исчезли все доски и, что вполне логично, спрятанное под ними золото. Я покосился на Тимофея, который скромненько отирался в стороне. Вахмистр многозначительно кивнул в ответ. Выходит, слитки они перепрятали, а доски вынесли от греха подальше. Чтоб не подпалить цех случайной искрой.

Фееричнее всего выглядел маленький глухонемой китаец Лю. Он творил с медным "ломом" настоящие чудеса. Мастер не просто паял – он словно совершал священнодействие. Синее пламя горелки в его руках послушно облизывало медные стыки, стягивало грудку измятого металла в безупречную конструкцию. Вокруг китайца суетились помощники, вовремя подавая детали, но Лю их словно не замечал. Он находился в своем тихом, безопасном мире.

Увидев нас, рабочие на секунду замерли. В цеху моментально стало значительно тише. Только продолжало шипеть пламя горелки у невозмутимого Лю. Люди дружно поклонились.

Дин Сян, заложив руки за спину, не спеша двинулся вглубь мастерской. Его взгляд изучал каждый сантиметр будущей колонны.

– Семён Андреевич, идите сюда! – я махнул рукой Бессонову, подзывая его к нам. – Господин Дин, позвольте представить Семёна Андреевича Бессонова, светило русской химии и гения спиртопроизводства. Семён Андреевич, расскажите коротко, что мы строим и когда пойдёт первая "слеза"?

Бессонов просиял. Для него это был момент триумфа. Нашлись еще одни свободные уши, в которые можно лить умные фразочки.

– Мы строим установку непрерывного действия системы Савалля, но с моими личными доработками по части дефлегмации! – зачастил он, возбужденно размахивая свернутым в трубочку чертежом, который, конечно же, прихватил со стола, дабы показать чиновнику. – Видите ли, господа, этот агрегат выдаст продукт такой чистоты... – Профессор замялся, подбирая слова. – Невиданной, просто феноменальной чистоты. Как слеза младенца! Вы применили правильное сравнение, Павел Александрович. Вот, посмотрите.

Бессонов развернул чертеж прямо перед лицом чинуши.

Дин Сян молча уставился на рисунок, изучая сложные схемы тарельчатых фильтров.

– А сроки? – коротко бросил он, не отрывая взгляда.

– Через неделю, – уверенно ответил Бессонов. – Ровно через семь дней мы закончим сборку и начнём пусконаладочные испытания.

Дин Сян собрался что-то ответить на столь уверенное заявление, но его беспардонным образом прервали. Идиллия технического прогресса была нарушена громкими звуками, доносящимися из-за ограды лесопилки. Причем звуки эти были настолько громкими, что мы прекрасно слышали их в цеху.

Тревожное ржание лошадей, скрип несмазанных колес и резкие, гортанные крики на китайском. А затем раздался оглушительный грохот ударов по дереву – кто-то со всей дури долбил прикладами по створке наших ворот.

Я едва заметно усмехнулся. Ну вот и наши гости пожаловали. Не подвели. Сейчас начнется самое интересное.

Глава 5

Отряд китайских полицейских производил столько шума, будто они приехали не обыск проводить, а исключительно ради того, чтобы разломать все к чертям собачьим. Массивные створки сотрясались от ударов, трещали и вот-вот могли завалиться прямо на моих парней, которые подошли ближе, чтобы, соответственно приказу, полученному ранее, впустить "гостей".

Через пару минут засов был убран, ворота распахнулись.

В образовавшийся проем я успел разглядеть транспорт визитеров. За оградой стоял старый, пыхтящий сизым дымом автомобиль и несколько облезлых гужевых повозок. Видимо, именно на эти телеги доблестные стражи порядка собираются грузить мифическое золото. Оптимисты.

Во двор хлынула толпа китайцев в мышиноного цвета шинелях.

На крики, ругань и сухой лязг передергиваемых затворов из барачных начали выскакать люди. И вот тут надо отдать должное Осееву и Корфу, которые руководили процессом "паники". Жители общины не просто бестолково столпились перед полицейскими, они рассредоточились, как было оговорено. Имитируя суматоху и волнение, выстроились в плотную живую стену, которая тактично оттерла охрану Дин Сяна в самую глубь двора и закрыла от визитеров "Паккард" сановника. Теперь гвардейцы Дина чисто физически не могли пробиться сквозь толпу, чтобы остановить своих "коллег", а полицейские не имели возможности рассмотреть машину.

В первых рядах я заметил Михаила. Вот он мне сейчас точно пригодится. Хочу понимать дословно, о чем будут говорить Лян и Сян, когда встретятся лицом к лицу.

Лян и Сян... Прямо как Биба и Боба.

Полицейские замерли, наставив ружья на моих людей. В их сторону двинулся Петр Селиванов.

– Что происходит, господа? – Начал управляющий заготовленную речь.

Однако вместе ответа получил нечто более неприятное. Рослый китайский сержант шагнул вперед, а затем со всей силы впечатал приклад ружья прямо Селиванову в живот. Петр громко охнул, сложился пополам и осел на землю.

Тут же полицейские расступились, из-за их не очень широких спин вышел человек, который с первого взгляда мне не понравился.

Походка у него была вальяжная, хозяйская. Физиономия такая довольная, что руки зачесались стереть с нее нагловатую ухмылочку. В довесок имелась щегольская, явно узковатая в плечах шинель, и начищенные до зеркального блеска сапоги.

– Ой-вей... – очень натурально удивился ростовщик, – Это же капитан Лян, начальник сысского отдела. Зачем он здесь?

Прекрасно! Значит жадный господин решил принять личное участие в обыске. Побоялся, вдруг кто-нибудь из подчиненных умыкнет немного золотишка. Так даже лучше.

Мы с Соломоном и Дин Сяном стояли у приоткрытых дверей цеха, наблюдая за происходящим. Я не торопился выходить на свет и обозначать свое присутствие не просто так. Зачем портить прекрасный момент? Пусть Лян по сильнее увязнет в собственном дерьме. Пусть преиспит все возможные полномочия и совершит максимум необдуманных действий.

Петр тихо выругался сквозь стиснутые зубы, тяжело поднялся на ноги. Он все еще держался за ушибленный живот, но при этом смотрел на незваных гостей с тяжелой, мрачной решимостью.

Лян брезгливо скривился, сделал шаг вперед и резким, театральным жестом наставил ствол зажатого в руке "Маузера" прямо в грудь управляющему.

– Где этот лусский сенок?! – визгливо рявкнул капитан с очень выраженным акцентом. Его взгляд скользнул по толпе.

– По-моему, он обозвал вас щенком, князь... – тихо высказался Соломон. Но не настолько тихо, чтоб его слов не услышал стоящий рядом Дин Сян.

Сановник, кстати, пребывал в состоянии, очень похожем на шок. Он тяжело дышал и очень сильно напоминал паровой котел, у которого заклинило стравливающий клапан. Его круглая, сытая физиономия пошла некрасивыми красными пятнами.

С точки зрения Дин Сяна происходило нечто немыслимое. Какая-то мелкая сыскная вошь, командующая взводом оборванцев в мышинных шинелях, посмела вышибить ворота на предприятии, которое чинуша уже мысленно обозначил для себя курочкой, несущей золотые яички. Несущей не куда-нибудь, а ему, Дин Сяну в карман. Для китайского сановника это был плевок прямо в его породистую, откормленную физиономию.

– Вы плятать золото! Вы плятать олужие! Спионы!

Капитан Лян, как и большинство китайцев, не выговаривал букву "р" и шипящие. Вместо угрожающей, воинственной речи у него получался какой-то детский лепет. Хоть бы не рассмеяться, когда окажусь рядом с ним.

Я обернулся к Дин Сяну, развел руками.

– Ничего не понимаю! Это какая-то ошибка.

Мой голос звучал максимально искренне. Сам поверил в то, что говорю.

Соломон Маркович тяжело, по-стариковски вздохнул, поправляя воротник шубы.

– Ой, какой хороший вечер испортили... – меланхолично пробормотал он, – Полагаю, господин Лян прознал о планах князя и решил поиметь немного прибыли, совершенно не догадываясь, чьи интересы затронет столь необдуманый поступок.

Услышав о возможной конкуренции, Дин Сян окончательно пришел в бешенство. Он запыхтел еще громче, его буквально начало трясти от ярости.

Сановник резко дернул ворот своего дорогого пальто, словно ему вдруг стало невыносимо жарко, и сорвался с места. Он пер прямо на распинаящегося Ляна, как тяжелый бронепоезд, у которого отказали тормоза. Снег под его ботинками хрустел так злобно, будто чиновник топал не по двору лесопилки, а подошвами своих ботинок ломал кости начальнику сысского отдела.

Мы с Соломоном заговорщицки переглянулись и скромненько засеменили следом. Я мгновенно стер с лица довольную ухмылку. Вместо этого натянул маску глубочайшей тревоги и оскорбленной невинности. Старый ростовщик тоже не отставал в актерском мастерстве. Он горестно вздыхал, что-то бубнил под нос, всем своим видом напоминая несчастного агнца, которого вот-вот отведут на заклание.

Со стороны мы, должно быть, смотрелись просто идеально – два несчастных, затравленных коммерсанта, пугливо прячущихся за широкой спиной своего могучего покровителя, который вышел лично карать наглых полицейских.

Капитан Лян тем временем продолжал бесноваться. Он еще не видел, как в его сторону движется пыхтящий, озверевший сановник. А вот некоторые из моих людей наше появление заметили. В частности Михаил. Он тут же отделился от основной толпы и тактично пристроился за моей спиной.

– Павел, думаю, вам сейчас понадобятся мои услуги, – шепнул грузинский аристократ.

Я молча кивнул.

Дин Сян буквально распахнул локтями тех, кто стоял в первых рядах и вышел к капитану Ляну.

Начальник сысского отдела в этот момент как раз пребывал на пике своего величия, упивался властью. Он даже попытался замахнуться, чтобы ударить "Маузером" Селиванова

по лицу. Попутно орал про какие-то рудники и казематы. Его глаза светились неподдельным счастьем – человек искренне верил, что поймал удачу за хвост.

Я прямо заволновался. Если китайский идиот тронет Петра, боюсь, управляющий, забыв о моем наказе, расквасит ему рожу.

И тут перед капитаном появился взбешенный до крайней степени Дин Сян.

Реакция Ляна была мощной. Он буквально подавился собственным криком и слюной. По-настоящему. Захлебнулся, захрипел, попытался откашляться. Тут же вспомнил, что кашлять в лицо главе коммерческого управления КВЖД, да еще и близкому соратнику маршала Цзолия – плохая примета, и попытался втянуть все, что встало поперек горла, в себя. В итоге, физиономия Ляна не просто побледнела, она стала нежно-фиолетовой. Глаза налились кровью и полезли на лоб. Я всерьез забеспокоился, как бы начальник сыского отдела не отдал концы.

Дин Сян сделал еще два шага к капитану. Тот, наконец, судорожно сглотнул и смог вдохнуть. Его лицо вроде бы обрело нормальный цвет. Под тяжелым, испепеляющим взглядом сановника капитан начал приседать, пока его колени не подогнулись окончательно, и он не рухнул прямо в истоптанный снег. "Маузер" выпал из ослабевшей руки китайца, сиротливо звякнул о мерзлую землю.

– Ни сян и чжи фэнгоу! – брезгливо выплюнул глава коммерческого управления, возвышаясь над коленопреклоненным начальником сыска. – Во хэ ча дэ шиху, шуй жан ни цзиньлай дэ?!

Михаил, стоящий за моим плечом, тут же зашептал с дикторской четкостью:

– Ты подобен бешеной собаке! Кто позволил тебе врываться сюда в то время, когда я пью чай?

– Дин дажэнь! Во ю синьхао! – отчаянно взвизгнул Лян, умоляюще сложив руки на груди. Его щегольская фуражка съехала набекрень. – Во чжиши чжисин гунь! Чжэли ю хуанцзинь... ю цзяньде! Во ши бэй пянь лэ!

– Оправдывается, – бесстрастно сообщил грузинский князь. – Говорит: "Господин Дин, у меня был сигнал! Я лишь исполнял служебный долг! Мне донесли, что здесь прячут золото и шпионов. Я стал жертвой обмана!". Пытается переложить вину на информатора. Жалкое зрелище.

– Ой, вы только посмотрите на этого поца, – еле слышно буркнул Соломон Маркович. – Еще пять минут назад он собирался отправить нас на рудники, а теперь делает теплую лужу в свои казенные штаны. И поделом! Будет знать, как портить нервы приличным коммерсантам.

Дин Сян тем временем даже не думал сбавлять обороты. Услышав про какое-то там "золото" и "шпионов", он побагровел еще сильнее. Для него это звучало так, будто мелкая сошка пытается обвинить родственника самого маршала в укрывательстве преступников!

– Бэньдань! – рявкнул сановник с такой яростью, что Лян испуганно вжал голову в плечи. – Чжэньчжэн дэ цзяньде ши ни! Ни ба ни дэ цзан бицзы шэнь цзинь Чжан Цзолиянь юаньшуай цзяцзу дэ шиу чжун!

Михаил переводил синхронно, идеально передавая интонации:

– Идиот! Единственный шпион здесь – это ты, потому что суешь свой грязный нос в дела семьи маршала Чжан Цзолия! Ого. Этот господин только что официально взял вас под крыло своего клана, Павел. Мои поздравления.

Лян от этих слов побледнел настолько, что стал сливаться со снегом. Упоминание имени безраздельного правителя Маньчжурии подействовало на него как удар кувалдой по затылку. Он буквально распластался у дорогих ботинок сановника, пытаясь то ли поцеловать их, то ли просто спрятать лицо и зарыться поглубже в землю.

– Жаомин ба, Дин дажэнь! Цюцю ни! Во хуэй циньцзы биби нагэ гэй во цзя цзюйбао дэ жэнь! – завыл капитан.

– Пошадите, господин Дин! Умоляю! Я лично расстреляю того, кто дал мне этот ложный донос! – шепнул Михаил.

Дин Сян с брезгливым отвращением отдернул ногу, чтобы Лян не испачкал слюнями его обувь.

– Тин хао, шанвэй! – процедил сановник, чеканя каждый слог. – Цун цзиньтянь ци, Арсеньев циньван дэ цзюймучан линту сянью бу кэ циньфань дэ дивэй! Жугуо ни дэ жэнь хай гань каоцзинь... во хуэй ба ни дэ наодай гуа цзай Хаэрбинь цзяньюй дэ дамэнь шан! Гунь чуцю!

– Это приговор, Павел, – тихо подытожил грузин. – Слушай внимательно, капитан! С этого дня территория лесопилки князя Арсеньева имеет статус неприкосновенности. Если твои люди посмеют приблизиться к ней... я повешу твою голову на воротах Харбинской тюрьмы! Убирайся вон! Начет головы перевод может быть неточный. Неуловимая игра слов, знаете ли.

Я довольно кивнул. Уже собирался окончательно расслабиться, когда внезапно что-то кольнуло в районе груди. Что-то, подозрительно похожее на чуйку или интуицию. Моя голова сама собой повернулась влево. Туда, где виднелся покосившийся дощатый сарайчик.

Дверь сарая, которая должна быть надежно заперта, вдруг медленно приоткрылась. Видимо, чертов шпик оказался не таким уж идиотом. Он ухитрился прийти в себя, развязать руки и вскрыть замок. Что несомненно свидетельствует о его отличной подготовке.

Из-за створки появилась помятая, перемазанная в крови и соплях физиономия нашего пленника. Он наполовину высунулся из сарая, и вроде бы даже набрал в грудь воздуха, чтобы истошно заорать.

Именно в этот момент, по закону подлости, Дин Сян сделал шаг назад, а потом начал поворачиваться в сторону сарая, чтобы широким жестом обозначит территорию, которая теперь находится под его покровительством. По крайней мере Михаил именно так перевел курлыкание чинуши. Как назло, именно в этом месте толпа зрителей и участников была значительно реже. Поэтому все, что происходило возле сарая, прекрасно просматривалось.

Твою мать! Если Дин увидит побитого топтуна, он начнет задавать вопросы. Или, чего доброго, подумает, будто Лян был прав насчет шпионов. Тогда наша только что зародившаяся дружба уже не будет столь нежной и приятной.

Тело и мозг сработали на чистых рефлексах. Я одним прыжком оказался рядом с сановником, грубо, совершенно не по протоколу схватил его за плечи и резко, с силой развернул прямо к себе лицом.

Дин Сян от столь вопиющей наглости натурально охренел. Его глаза снова полезли на лоб, а на физиономии появилось выражение: "Да что ж за день такой?! С ума все посходили?"

– Господин Дин! – произнес я с таким искренним, неподдельным жаром, что сам Станиславский разрыдался бы от зависти. – Умоляю вас! Простите его!

Сановник ошарашенно заморгал, совершенно сбитый с толку моей выходкой. Капитан Лян, по-прежнему стоящий на коленях, и вовсе обалдел от такого поворота событий. Он вылутился на меня, как на сошедшего с небес бодхисаттву.

– Простите этого несчастного идиота! – продолжал я свой спектакль.

При этом, одним глазом смотрел мимо чинуши, наблюдая за сараем. А там разворачивалась своя драма.

Буквально из ниоткуда рядом с топтуном, который вот-вот мог заорать, появился Тимофей. Вахмистр действовал с грацией и скоростью крупного медведя-гризли.

Огромный кулак Тимохи, по размеру напоминающий пивную кружку, без замаха впечатался прямо в ухо пленнику. Шпик хрюкнул, закатил глаза и кулем осел обратно в темноту сарая. Тимофей с невозмутимым видом, осторожно прикрыл дверь, привалился к ней плечом, тихонько насвистывая какую-то казачью песню. Всё это заняло ровно три секунды.

– Да, он ворвался! Да, он посмел испортить нам этот чудесный вечер! Но посмотрите на него – он же просто слепой котенок, жалкий червь, заблудившийся в собственной глупости! – с особой экспрессией выкрикнул я, затем для большей достоверности ткнул пальцем в Ляна. – Не марайте о него руки, глубокоуважаемый господин! Безграничное великодушие только подчеркнет ваше высочайшее положение! Покажите, что истинная власть умеет быть милосердной! Пусть катится ко всем чертям, он уже всё осознал!

В общем, думаю, после сегодняшнего вечера о князе Арсеневе появится еще один слух. Что он крайне эксцентричный тип. С придурью, по-русски говоря. Ну ничего. Человека с оружием и верными соратниками уважают. Психованного человека с оружием просто боятся.

Дин Сян поправил сбившийся воротник, откашлялся, посмотрел на меня со странной смесью недоумения и уважения. Похоже, еще никто не осмеливался так эмоционально призывать сановника к милосердию.

Затем снова перевел испепеляющий взгляд на капитана Ляна, который сейчас смотрел на меня с немым обожанием.

– Ни чжэгэ байчи! Иньвэй чжэвэй гаогуй дэ Элосы циньван ти ни цюцин, ни цзиньтянь цай нэн хо мин!

– Ты идиот! – мгновенно перевел Михаил. – Только благодаря заступничеству этого благородного русского князя останешься жив.

Лян, едва осознал, что его голова сегодня останется на плечах, подскочил со снега с такой невероятной прытью, будто под ним внезапно рванула петарда. Его колени все еще дрожали, но инстинкт самосохранения работал безотказно.

Капитан сорвал с головы фуражку и принялся кланяться. Причем делал он это с такой амплитудой и скоростью, что казалось, будто его сейчас переломит пополам.

– Сясе, Дин дажэнь! Сясе, циньван! – истошно голосил Лян, попеременно отвешивая поклоны то сановнику, то мне. – Во юньюань бу хуэй ванци нин дэ эндынь!

– Благодарит, – с легким налетом брезгливости перевел Михаил. – Говорит, что никогда не забудет вашей милости, готов мыть вам ноги и пить эту воду. Клянется могилами предков никаким образом не мешать князю в его делах.

– Да что толку, – мрачно констатировал Соломон, – Его будущее уже определено. После такого позора господин Лян вряд ли останется на своем посту.

Лян, продолжая пятиться и кланяться, наконец оказался на безопасном расстоянии от Дин Сяна. И тут же его тонкий, заискивающий голосок сменился на истошный, визгливый лай. Он повернулся к своим опешившим подчиненным, заорал так, что в ушах зазвенело.

Полицейские, которые сами уже были не рады, что вписались в этот блудняк, поняли начальство с полуслова. Если заходили эти мышинные шинели на наш двор как хозяйева жизни, то покидали территорию как стадо напуганных, шелудивых псов.

Началась форменная паника. Легавые спотыкались друг о друга, роняли винтовки, бранились и запрыгивали в свои облезлые телеги прямо на ходу. Возницы отчаянно лупили лошадей кнутами. Капитан Лян рыбкой нырнул на заднее сиденье драндулета. Старый автомобиль чихнул, выплюнул густое облако сизого дыма и рванул от ворот лесопилки так резко, что начальник сыского отдела едва не вывалился обратно на снег.

Меньше чем через минуту площадка перед воротами опустела. О недавнем визите доблестных стражей порядка напоминали лишь истоптанный снег да распахнутые настезь ворота.

Дин Сян медленно повернулся ко мне. Посмотрел пристально в глаза, а потом спокойно произнес:

– Знаете, князь, у меня появились некоторые вопросы. Думаю, нам надо их обсудить.

Глава 6

Мы стояли посреди опустевшего двора. Морозный ветер лениво гонял по утопанному снегу какую-то щепку. Тишина после недавнего гвалта казалась почти неестественной. Все участники спектакля, имею в виду мою актерскую труппу, шустро расползлись по баракам. Почувствовали, что пора красиво исчезнуть с театральных подмостков.

Михаил тактично сделал несколько шагов назад, сливаясь с ночной темнотой, а потом и вовсе исчез. Соломон активно принялся изображать внимание к воротам. Даже подошел к ним поближе, тем самым оказавшись от нас с Дином подальше. Охрана сановника тоже бестолково топталась в стороне, не вмешиваясь. В общем, все – молодцы! Оставили нас сановником с глазу на глаз.

Я внутренне подобрался. Мысленно прикидывал, какие именно вопросы последуют. Прозолото? Или чинуша все-таки успел заметить то, что происходило возле сарая? Или может его насторожил приступ всепрощающей христианской любви по отношению к Ляну?

Взгляд у главы коммерческого управления изменился. Он сейчас был совсем не таким, как пять минут назад. Исчезла барственная снисходительность, пропала сытая вальяжность. На меня смотрели умные, холодные глаза матерого, прожженного хищника, который внезапно почувял, что в лесу появился еще один зверь его весовой категории.

Похоже, моя маска эксцентричного русского, с придурью, вот-вот даст трещину. Дин Сян может быть кем угодно, но он точно не идиот. Иначе не занимал бы то место, на котором находится.

– Внимательно вас слушаю, господин Дин, – я спокойно достал портсигар, щелкнул крышкой. Предложил китайцу. Тот отрицательно качнул головой.

Ну, как говорится, наше дело предложить. Сам я в этой жизни к дурным привычкам тяги не имею, однако портсигар таскаю с собой. На всякий случай. Бывает полезно угостить собеседника, чтобы подтолкнуть к разговору.

– Вы разыграли прекрасное представление, князь Арсеньев, – негромко произнес сановник, кутаясь в шубу. – Эта ваша... пламенная речь в защиту ничтожного Ляна. Вы заставили меня сохранить жизнь и должность человеку, который оскорбил нас обоих. Я пошел вам навстречу, потому что надеюсь на долгое и плодотворное сотрудничество. И да, можете считать, что все необходимые договоренности достигнуты. Отныне вы и ваши люди под моим покровительством. А значит и под покровительством маршала Цзолия. Но теперь хочу знать правду. Зачем вам понадобился этот... – Дин пожевал губами, подбирая соответствующее определение, – Этот никчемный человечиска? Он опозорился не только передо мной. Его подчиненные стали свидетелями унижения своего начальника. Теперь капитану, чтобы восстановить прежнее влияние среди обычных полицейских, придется потрудиться.

Я несколько секунд молча смотрел на китайца. Делал вид, будто сомневаюсь, достоин ли стоящий передо мной господин откровений. Заодно соображал, как лучше ответить чинуше. Похоже, с ним нужно разговаривать на единственном языке, который он по-настоящему уважает – на языке голого, циничного прагматизма.

– Все очень просто, – я чуть понизил голос, мой тон стал более сухим, деловым. – Представьте, что вы сегодня, повинувшись справедливому гневу, стерли бы Ляна в порошок. Размазали бы его по стенке. Что было бы завтра?

Дин Сян слегка нахмурился, ожидая продолжения. Он пока не улавливал ход моих мыслей.

– А завтра, – я усмехнулся и небрежно повел плечом, мол, очевидно же, чем это закончится, – Харбинская управа прислала бы на его место нового начальника сыскного отдела. Какого-нибудь молодого, голодного и ретивого пса, желающего выслужиться. Или, того

хуже, человека из конкурирующего клана. Да, маршал Цзолинь имеет огромные, практически неоспоримые полномочия, однако вам ли не знать, как быстро все меняется в вашей стране. В итоге мне пришлось бы заново договариваться, тратить деньги и время. И не факт, что мы бы сошлись в цене.

Я сделал паузу, позволяя сановнику переварить эту вполне понятную истину, а затем выдал главный аргумент.

– Мертвый человек, господин Дин, – это просто кусок гниющего мяса. Даже если его смерть условная. Если он умер как достойный уважения член общества. От него нет никакой пользы, одни проблемы с уборкой. А вот живой, сломленный и дрожащий от страха – это ценнейший ресурс.

Брови китайского сановника медленно поползли вверх.

– Капитан Лян теперь наш должник, – констатировал я. – Он насмерть перепуган. Он знает, что его жизнь и карьера висят на волоске, который держите вы. Мы получили абсолютно ручного начальника сыскного отдела на очень коротком поводке. Он не просто забудет дорогу на эту лесопилку. Он будет рвать глотки любому, кто попытается сунуть сюда нос, лишь бы доказать нам свою полезность. Бесплатно, господин Дин. Из чистого страха.

Чинуша молчал несколько долгих секунд. Он смотрел на меня, чуть склонив голову набок. В его азиатской картине мира, где вопросы потери их дурацкого "лица" часто решались радикально, такой расчетливый подход явно вызывал сбой шаблона. Но как умный делец, Дин не мог не оценить логику моих доводов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.